

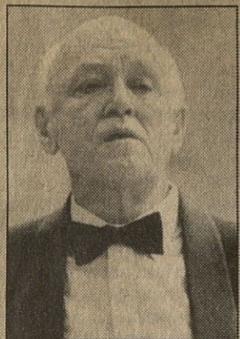
Молчание по Рихтеру

Общая руб. - 1994 - 4 - 13 авг. - с. 5.

Только очень немногие из его великих коллег нашли время и возможность приехать в Москву попрощаться с ним. Возможно, они сочли, что

Юрий Башмет может быть их полномочным представителем. На сцене — да. Но в такие минуты каждый отвечает за себя.

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

Семейное прозвище: Гений

Вячеслав
Вс. ИВАНОВ

Рихтер стал большой частью внутреннего мира каждого из нас. Я говорю о слушателях послевоенных лет, старавшихся не пропустить ни одного из его выступлений. Если бы меня спросили, что в пятилетие до 1953 г. больше всего спасало от отчаяния, заставляло заниматься искусством и наукой и давало недостижимый, но доступный слуху образец совершенства, я не задумываясь сказал бы: концерты. И прежде всего — Рихтера. Его мощь. Огромность его дара художника. В исполнении слышался оригинальный сплоситор, сочинительство переплавивший в свою игру. Его артистизм был главной чертой характера. Рихтер был человеком искусства в самом общем и широком смысле. Как-то, повредив руку, он был вынужден на время забросить игру на рояле и с помощью Фалька быстро перешел к занятиям живописью. Потом мы видели выставку его живописных работ. Вулкан нельзя было сдерживать. Лава текла повсюду. Такие трафареты, как «великий» и превосходные степени, в его случае говорят скорее о нашем российском пристрастии к табелям о рангах и чиновничестве. Они не про то. Но в том кругу, где все было полно толками о Рихтере и его игре, одно слово с ним вязалось при жизни. Приведу два примера из того, чему был очевидцем. Мы были вместе в гостях у Пастернака. Он читал главы из «Доктора Живаго». Сели ужинать. Пастернак, заговорив с Рихтером, подошел к нему. Тот встал. И громко раздалось слово Пастернака, к нему обращенные: «Вы же это знаете. Вы тоже гений». Другой раз я услышал это же обозначение, почти ставшее семейным прозвищем, но от того не утратившее изначального смысла, от Генриха Густавовича Нейгауза. Он часто говорил, как он любит своего ученика и им гордится. А это был концерт в Большом зале консерватории, в антракте я увидел Нейгауза внизу на лестнице. Он плакал и, всхлипывая, сквозь слезы сказал мне: «Он — гений, гений!»

У тех многих, кто с его помощью услышал полет ангелов, не находится слов, чтобы это описать.

КОГДА Рихтер умер, в Москве два дня бушевала гроза. Он прощался с нами, играя на небесных клавишах. Давно болея, он просил, чтобы в день его похорон не было речей и гражданской панихиды. Вдова великого пианиста Нина Дорлиак, друзья и поклонники выполнили его волю. Ореховый гроб был выставлен для прощания в Итальянском дворике Пушкинского музея среди шедевров западноевропейского искусства средних веков и эпохи Возрождения. Вместо траурной музыки звучали записи самого Рихтера. Как обычно, его поклонники пришли с цветами. Но впервые — встретили его молчанием, а не аплодисментами.

Дорожка из цветов на Новодевичьем кладбище вела к свежей могиле. У нее собрались те, кто жил по шкале Рихтера. Французская пианистка Франсуаза Фаре узнала о смерти любимого музыканта в Москве: «Москва осталась без него пустой и Париж тоже. Франция обожала Рихтера, понимала его, чувствовала. Это знак судьбы, что я смогла попрощаться с ним. Он обладал особым магнетизмом — магнетизмом сцены. Записи его выступлений, увы, не передают волшебства, происходившего в зрительном зале, когда он выступал. Когда он играл, я чувствовала, что играет абсолютно русский музыкант. Вы видите, сколько цветов? Он всегда утопал в цветах!»

Георгий, студент Гнесинки: «У Светослава Теофиловича была удивительная глубина трактовки и понимания тех композиторов, музыке которых он исполнял. Рихтер потрясал — не силой звука, но силой мысли».

Доцент Российской академии музыки им. Гнесиных, пианист Игорь Никонович учился в классе Генриха Нейгауза — учителя Светослава Рихтера: «Иногда Генрих Густавович просил Рихтера сыграть что-нибудь, и мы слушали его игру, затаив дыхание. Чтобы попасть на концерт, мы часа за три до начала прятались в каком-нибудь закутке консерваторского зала, чтобы потом с галерки слушать его выступление. Светослав Рихтер не преподавал, мы не можем говорить, что он оставил после себя школу, как Генрих Нейгауз. Однако каждый пианист учился у него».

«Вот так рядом, так близко к нему мы впервые. Никогда не быва-

ли на концертах — не прорваться. Но с его музыкой дома жили всегда. Он ушел, остались пластинки», — две пенсионерки положили на гору цветов по гвоздикке.

Эрик Курмангалиев был тесно связан с семьей Рихтера: «Мы часто встречались со Светославом Теофиловичем на концертах «Декабрьских вечеров» и у него дома. Это был великий мастер, великий художник, кормчий всех музыкантов. Он был обаятельным, веселым, общительным человеком».

В начале 80-х мне повезло — я был приглашен Светославом Теофиловичем и его супругой Ниной Львовной участвовать в «Декабрьских вечерах». Каждая возможность работать с Рихтером — определенная ступень в творчестве. Ты делаешь все возможное и невозможное, чтобы дотянуться до его уровня. С ним было легко работать, он никогда не давал каких-нибудь практических советов и рекомендаций. Вот только однажды... Я пел ариозо Воина из кантаты «Москва» Чайковского. Пел легко и свободным звучанием. Рихтер выслушал меня и заметил: «Все замечательно. Но хочется, чтобы ариозо звучало так, будто воину ТЯЖЕЛО». Лаконично он раскрыл

характер и трагизм этого образа. И, забыв о поверхностной красоте, я стал петь это ариозо так, будто мне тяжело брать каждую ноту».

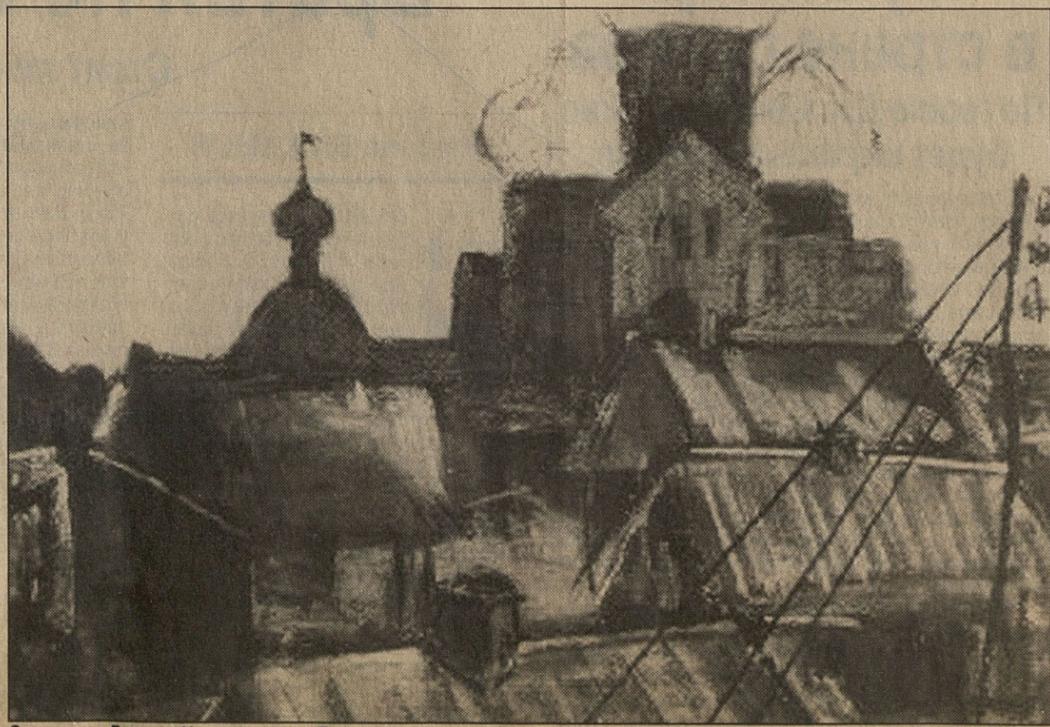
Рихтер был открытым и непосредственным человеком. В его квартире не было никакой напыщенности — все просто и уютно. Он был человеком с большим чувством юмора. Помню такой случай. На рояле стояла ваза с цветами. Рихтер вынул один цветок и выбросил его в окно, заметив: «Авось кто-нибудь поймает...»

В музыкальном магазине «Диск» на Ленинском проспекте полка с CD-коллекцией Светослава Рихтера украшена траурной ленточкой. «В последние два дня очень много народа приходит, спрашивает именно Рихтера. Впрочем, он всегда пользуется большим спросом. Господи, как это некрасиво звучит: «Рихтер», «спрос». У нас около 30 альбомов с записями Рихтера. Больше всего я люблю его Бетховена. И покупатели, как правило, говорят, что лучше Рихтера музыку Бетховена никто не чувствовал», — рассказывает продавец.

Светослав Рихтер был не только блестящим пианистом, талант-

ливым художником, но еще и коллекционером. Он не собирал целенаправленно что-то определенное. Дома у него оказывались работы тех художников, с которыми он дружил. Он общался с Робертом Фальком, и, возможно, Фальк даже учил его рисовать. В Грузии Светослав Теофилович познакомился с Василием Шухаевым, а гонимому Дмитрию Краснопевцеву устраивал когда-то выставки у себя в квартире. Работы этих художников составляют основу собрания Светослава Рихтера, которое выставлено сейчас на третьем этаже Музея личных коллекций Пушкинского музея. Кроме них в этом собрании великого музыканта представлены работы Кустодиева, Кончаловского, портрет самого Рихтера работы Оскара Кокошко и городские пейзажи самого маэстро. Здесь же в музее проходят музыкальные вечера, пианисты играют на рояле, специально сделанном для Рихтера фирмой «Ямаха», которую он прославил своей игрой. Увы, сам музыкант так и не успел прикоснуться к его клавишам.

Наталья ГРИГОРЬЕВА,
Наталья ЩЕРБАНЕНКО

Светослав Рихтер. Ночь и крыши. Пастель.

Рихтер Святослав

14-13.08.94